

Леонид Беспамятных

ДЕРЕВЕНСКИЕ

Сборник рассказов

Леонид Беспамятных

ДЕРЕВЕНСКИЕ.
Сборник рассказов

«Издательские решения»

Беспамятных Л. В.

ДЕРЕВЕНСКИЕ. Сборник рассказов / Л. В. Беспамятных —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938251-1

Герои рассказов Леонида Беспамятных из послевоенного поколения. Их называли будущими строителями коммунизма, но судьба распорядилась иначе.

ISBN 978-5-44-938251-1

© Беспамятных Л. В.
© Издательские решения

Содержание

1.МЫ – ДЕРЕВЕНСКИЕ	6
2..Оказия	9
3.ОСКОЛОК У СЕРДЦА	11
4.Цена Победы	14
5.ДЯДЯ ПЕТЯ	16
6.НА ПОКОСЕ	18
7.ТЕЗИС ХРУЩЕВА	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ДЕРЕВЕНСКИЕ

Сборник рассказов

Леонид Викторович Беспмятных

© Леонид Викторович Беспмятных, 2019

ISBN 978-5-4493-8251-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1.МЫ – ДЕРЕВЕНСКИЕ



Бывало, по деревне жмых на ферму везут, а мы, пацаны, тут как тут... Заладим:
– Дяденька! Угости! Дяденька! Прокати!

Никогда нам не было отказа, как сейчас помню. Полную кепку наберешь и хрумкаешь, хрумкаешь. Другой раз на целый класс выпросишь. До сих пор в глазах эти золотистые круги жмыха. Вкусная штукавина.

А на местном маслозаводе любили пацаны просить сухое молоко. Его прямо с барабана насобирает тетенька каждому в кулек из газеты, смеется:

– Пользуйтесь, пока я добрая!

Действительно, люди в то послевоенное время добрые были и дружные, хотя и терпели неустроенность, но бескорыстно помогали друг другу. «Помочью» это называлось: дом поставить, картошку выкопать или сена накосить, да мало ли в деревне работы... Соберутся помогать родственники, соседи. И не копейки за работу – только за спасибо и угощение.

Мама к вечеру стол готовит. Говорит:
– Ешьте, пейте, люди добрые. Спасибо вам!

Ее за угощение тоже благодарят. Тут же песни начинают петь. Смотрю и удивляюсь: куда девалась усталость?

Вот соседка в круг вышла, она сегодня поразительно красива. Одеты в нарядное платье. Не поднимая глаз от земли, запела:

Ах ты топни нога,
Да притопни нога.
А у мужа моего
Рост чуть выше сапога!..

Смотрю, Галя Карацеева пошла каблуками дробь пускать. По выражению лица видно, что это доставляет ей большое удовольствие:

Идет милый по деревне,
И всем улыбается,
Он сегодня зубы вставил,
Рот не закрывается!..

Коля Гурин только что сыпал шутками направо и налево, а тут запел свою частушку, голос его хрипл, движения быстрые:

В нашей тихой деревеньке,
Два колодца рядом,
Отчего же девки рябы?
Их побилло градом!..

Все дружно захлопали в ладоши, а Коля еще раз по кругу пошел.

Приезжайте к нам в деревню,
С чемоданом кожаным,
А уедете обратно-
С носом обмороженным!..

Валентин Лаптев – большой знаток прибауток, не стерпел, частушки – его конек, тут же поддержал Колю:

Ваня ходит хмурый,
Хороши дела!
Не успел жениться —
Жена родила...
Зачем удивляться?
Другим нужен год...
Слушай, Ваня, техника,
Вся идет вперед!..

И так могли плясать и петь долго. Бывало, заберусь на полати или печь и слушаю. Обычно взрослые и про жизнь заводили речь. О чем шел разговор? Больше всего о войне – будет или нет новая? Сильно не хотели тогда все войны.

Ведь радио же ежедневно сообщало о новых фактах приготовлений бывших союзников СССР к конфронтации. Уже началась «холодная война».

– Главное, чтобы не было войны, – говорили взрослые. – Остальное все перенесем. Поговаривали между собой, что по всем приметам в 1960 году снова война начнется...

Особенно заволновались люди, когда начался кубинский кризис и советские ракеты были развернуты рядом с США.

А ведь тогда и прошедшая война постоянно напоминала о себе. На инвалидной коляске по улице ездил безногий Николай Азбутов. На покосе умер от укуса шершня фронтовик Петр Чикирев, поговаривали, мол, сердце танкиста было измотано войной, вот и не выдержало.

Шмарина Акулина Семеновна. В ее семье было девять детей. Четыре дочки и пятеро сыновей. Началась война, четверо сыновей ушли на фронт: Александр, Константин, Леонид и Петр. Младший сын Николай записался добровольцем, но ему было только семнадцать лет.

Когда в сорок втором пришли похоронки на Александра и Константина, то Николай тоже ушел воевать. Погиб в сентябре сорок третьего в боях за Украину. В августе сорок четвертого пришла похоронка на Петра. В том же году погиб и Леонид, он служил на монгольской границе, подорвался при разминировании мины.

Всего за годы войны ушли на фронт из Крутинского района 5714 мужчин, погибло 3736.

Наши родители – поколение тридцатых годов, из этого поколения выжило очень мало. Они так пострадали, что просто радовались самой возможности жить, работать, растить детей.

Кстати, в пятьдесят четвертом году в школе было два первых класса, человек пятьдесят первоклашек набралось тогда в селе. Послевоенные дети.

Другое дело – девяностые годы. Помню, ехал из города на автобусе, встретил знакомого мужчину. Его Иваном звать. Он – из большого, красивого села.

– Представляешь, Викторovich, – говорит, – в этом году в школе будет всего – то один первоклассник. Мой внук.

2..Оказия



Однажды на большаке ловил попутку. Вдруг – удача, тормознул новенький автобус с надписью «Школьный». За рулем сидел знакомый парень по имени Николай.

– Ты, Викторович, куда? В райцентр?

– Угадал.

– Садись, мы туда же.

– Давно школе автобус дали? – спросил я.

– Недавно, – улыбнулся Николай своей добродушной улыбкой, – прошли времена, когда в райцентр на быках ездили.

– Дорога не близкая... Шестьдесят километров на быках? – удивился я. – Не может быть...

– Я серьезно. Старые люди рассказывают, что в 1950 году был такой случай. Тогда вызвали учителей на августовскую конференцию в райцентр, а с бензином – проблемы. Тут случайно узнали, что потребкооперация за товаром отправляет две подводы в райцентр.

«Возьмете нас с вашей оказией завтра?» – спрашивает завуч по телефону председателя.

«А не побойтесь?» – вопрос удивил завуча.

«А что? – отвечает он. – У нас другого варианта нет».

«Хорошо, договорились, только выезжаем рано».

Николай хитровато посмотрел на меня и продолжил:

– Спозаранку подошли учителя к конторе и – обомлели:

«Вот это оказия, так оказия!...»

Николай даже затормозил, обернулся ко мне:

– Оказалось, что в оглоблях – то быки запряжены, ярмо у каждого на шее. Признались потом, что испугались крепко – чего скрывать, ведь думали, что на лошадях поедут... Но деваться некуда: сели, поехали, в каждой подводе – по паре быков.

Бык, конечно, не лошадь: захочет – идет, устанет – ложится на землю. Возница же в таком случае хватал быка за хвост и давай тот хвост ему крутить – это действовало эффективнее любого кнута.

– Цоб – цобэ! Не балуй! Кому говорю, не балуй! – вспоминали учителя про то, как ругался он на быков. Так за двое суток и добрались до райцентра...

Николай продолжил езду, добавив:

– Мне бабушка часто говорила в детстве: – Будешь, Коля, на двойки учиться, придется тебе быкам хвосты крутить.

Усмехнулся, показывая щербатые зубы:

– Вот, выучился, кручу руль школьного автобуса. Кстати, той же осенью к нам в Паново ехала на работу молодая учительница. Раиса Сафроновна. Из Омска до Крутинки ее сопровождал брат, он офицер, служил в Порт-Артуре. Она опаздывала к началу занятий, а попутных машин из Крутинки до Паново не было. Что делать?

Оставил он сестру на постоялом дворе, сам пошел искать оказию. Ходил, ходил по райцентру, большие деньги предлагал, но бесполезно. На обратном пути встретил деда, который вез на быках повозку дров. Разговорились, тот и согласился отвезти учительницу...

Фото Н. Анисимовой

3.ОСКОЛОК У СЕРДЦА



Свернул на шоссе и пошел, вглядываясь в знакомые места. Леса и поля теснились вдоль шоссе.

Грязь на большаке хоть и немного подсохла, но местами колея была заполнена водой. Ошметки грязи липли к обуви, мешали идти. Через час ходьбы услышал звук мотоциклетного мотора. Оглянулся, смотрю, «инвалидка», борясь с грязью, нагоняет меня.

«Так это дядя Коля Азбутов!» – обрадовался я и замахал рукой.

«Инвалидка», поравнявшись со мной, резко тормознула и заглохла.

– Здравствуй, дядя Коля! Сломался, что ли?

– Да нет., – ответил он, окинув меня дружелюбным взглядом, поздоровался по ручке. – Мотор перегрелся. Если не брезгуешь, садись, подброшу. Но учти -забуксуем, помогать придется.

– Знамо дело, дядя Коля!

Я стал чистить от грязи ботинки. Тут со стороны козулинского свертка выехал ДТ -54. Смотрю, Иван Нестеров. Остановился, поравнявшись.

Подошел к нам.

– Здорово, мужики!

Подав руку и мне.

– Закурить не найдется?

Дядя Коля мотнул головой и протянув Ивану пачку с папиросами, усмехнулся:

– Может тебе козью ножку свернуть, а? Жалко газеты нет, а махорка у меня отменная.

Я на фронте наловчился.

Иван закурил.

– А ногу где потеряли, если не секрет?

Смотрю, лицо у дяди Коли каменным сделалось.

– В Сталинграде, ребята.

– А что, страшно было?

Дядя Коля помолчал, затем продолжил:

– Довелось на Халкин-Голе повоевать. Все видел, но в Сталинграде был ад. Гитлер приказал сравнивать город с землей. Самолеты наряду с бомбами сбрасывали пустые бочки с отверстиями в них. Летит и воет. Ужас! Казалось, что мозги расплавятся... Бились, почитай, за каждую улицу...

Вышел приказ Сталина "Ни шагу назад!" Тут случилось, что мне, раненому, пришлось тащить на себе молодого лейтенанта, который почти не подавал признаков жизни.

От разрывов постоянно засыпало землей. Кровища. Бинтовать нечем, перетянул чем попало раны себе и ему. Ползу...

– И что? Дотащили?

– Подобрали свои и доставили в госпиталь, что размещался на барже. Баржа -мишень для самолетов. Лежим на палубе, а они пикируют сверху, зенитки по ним дубасят. Сам не понимаю, честно слово, как эту баржу фрицы не потопили. Просто чудо! Родителям дважды похоронка на меня приходила. Представляете?

– Да уж...

– Все тело в осколках, извлечь удалось не все. Вот под сердцем до сих пор ношу, – смотрю, дядя Коля слезу смахнул. -Началась гангрена на ноге, пришлось ее ампутировать. Отхватили настолько коротко, что протез носить не могу. Из культы еще долго мелкие осколки выходили. За год в госпитале операций сделали не сосчитать...

– А собес – то платит за инвалидность?

– Сорок рублей, но каждый год надо проходить комиссию.

Горько усмехнулся:

– Поди, думают, вдруг нога вырастет. Разве это деньги по нынешним временам?

Тянемся с женой, чтобы жить не хуже других. Жена моя Мария Степановна до пятьдесят восьмого проработала на тракторе.

Слушал дядю Колю и думал: «Сколько же досталось их поколению...»

Помню, на маслозаводской улице жил Николай Сысоев. Все сидел летом на лавочке в валенках и тулупе. Немного прожил.

«А ведь он молодой, – говаривали взрослые. – Попал в плен, фашисты пытали, на спине вырезали ремень и звезду, все поотбивали».

Сколько помню, никогда не видел, чтобы гвардии сержант Николай Филиппович Азбутов выступал, как ветеран войны где -либо, не привелось видеть его с наградами на груди, а ведь он кавалер ордена Славы, награжден медалью "За боевые заслуги».

– Ну, ладно, ребята, надо дальше ехать, – заторопился дядя Коля. – Нечего мокроту разводить. Я на строительстве школы учетчиком работаю, там оперативка вечером.

Мотоциклетный мотор взревел. Грязь полетела: шмяк, шмяк. Полетели мимо перелески, поля. Десять минут гонки и вот оно – родное село!

Осколок, что был около сердца, дал дяде Коле прожить шестьдесят лет, вырастить трех дочек, четверых внуков и. внучку. В ноябре восемьдесят первого осколок сдвинулся... Врачи были бессильны...

4.Цена Победы



Однажды в интернете попал на глаза материал из латвийского городка Добеле о том, что один журналист устроил экспресс—интервью, задав первым встречным жителям вопрос: знают ли они, что такое для их города 31 июля.

Увы, из десятка человек только один пожилой латыш ответил, что это день освобождения от фашистов. Горожане недоуменно улыбались. А молодежь не понимала, о чем идет речь...

Тенц Александр Александрович родился в двадцать пятом году, в их семье было семеро детей. Призвался из деревни Козулино весной сорок второго, минометчик, тяжело ранен недалеко от городка Добеле.

Случилось так, что атака на позиции немцев захлебнулась, атакующие откатились, а он остался в траншее с перебитой ногой.

Двенадцать часов полз к своим. Кровь на лице, перепонка лопнула, чувствовал, что оглох. Саднила рана на шее. Смотрит, впереди – река. Никаких сил уже не было. Скинул шинель и сумел перебраться до противоположного берега с автоматом в руке, благо, река оказалась неглубокой

– Как же ты, сержант, не истек кровью за это время? – удивился врач в госпитале. Разрезали сапог, стащили, смотрят, а кровь запеклась.

– Чудеса, да и только! – еще больше удивился врач.– Заговоренный, что ли?

– Меня мать на кровь заговорила перед отправкой в военкомат, – рассказал врачу сержант.

Беда была еще в том, что вместе с шинелью на берегу реки остались и документы сержанта, а это большая неприятность по тем временам. К счастью, тут в госпиталь явился знакомый разведчик. Оказывается, ходили в разведку, на берегу обнаружили шинель, в которой нашли и документы сержанта.

– Придется ногу ампутировать, – заявил хирург, обследовав рану.

– Лучше умру, но ногу не дам резать, – уперся сержант... Пришлось хирургу экспериментировать с нервом из позвоночника, чтобы хоть как -то уменьшить боль при операции.

– Полагаю, -заявил хирург позднее, – такого рода операции еще не проводились. И не будут проводиться, – добавил он.

Полгода пролежал в госпитале. Ногу сохранили, правда, стала «сухой», а вот осколок из шеи побоялись вытаскивать, мол, можно задеть позвоночник.

– Гляньте, Татьяна Прокопьевна, дядька, видать, пьяный по бревнам ползет! – закричал мальчонка, увидав, как по двум бревнам, брошенным через речку, перебирается ползком человек. Все ученики кинулись к окну. И давай хохотать...

– Так это же Саша Тенц! – воскликнула учительница, – Вернулся!

Действительно, это сержант Тенц, вернувшись на костылях, пытался вот таким способом преодолеть последнюю преграду на пути к родному дому. Вместо смытого моста, люди переходили реку по бревнам. На гимнастерке у сержанта медаль» За отвагу».

Так сложилась судьба, что именно с Татьяной они образовали семью, вырастили четырех детей. К работе привычный: восьми лет пас

колхозных телят... Александр не сидел сложа руки и вернувшись с фронта, пенсия была маленькой. Из конского волоса плел силки и ловил перепелок. Охотился с ружьем на косачей.

Дочь Людмила вспоминает, как на Пасху однажды принес аж пять косачей. В то время косача можно было обменять на ведро картошки.

Картошки и сами садили по двадцать соток и он умудрялся работать лопатой, несмотря на физические страдания. Врачи удивлялись, как он терпит такую боль.

Мотоцикл зимой переделывал в аэросани, сделал самодельную бензопилу. Пчел держал. Пришлось поработать и дизелистом в МТМ, на тракторе, на экскаваторе.

Постоянная нагрузка на одну ногу сказалась, отказала вторая...

Дорогая цена была заплачена во время второй мировой войны. Не вернулся с войны старший брат Андрей, пропал без вести.

Жалко, короткая память у тех, кого освобождали такие люди, как наш земляк Александр Александрович Тенц.

5. ДЯДЯ ПЕТЯ



Однажды ловил попутку у села. Вдруг – удача, тормознул грузовик. За рулем — дядя Петя Привалов. Он с семьей жил на нашей улице, через дорогу.

– Ты, Леня, куда?

– До Называевска.

Он распахнул дверку:

– Подь в кабину! А дальше, никак, до Омска?

– Ага! Завтра экзамены на киномеханика сдавать. А маршрутный автобус не пошел.

– Ну, ты даешь! Заочно, что ли, готовился? Ты же в школе учишься. В каком классе?

– В десятый перешел. Попробую. Авось повезет.

Веселое дело – по большаку мчаться. Три часа пролетели быстро. Вот и Называевск. Приехали, наконец! Машина подрулила к зданию железнодорожного вокзала и с ходу – в кассу побежали.

Смотрю, табличка с надписью «Билетов до Омска нет». Очередь перед окошком.

«Надо же!» – Я похолодел, когда понял, что могу опоздать на экзамены.

– Вот тебе раз! Что же делать? – говорю, – Придется обратно возвращаться.

Дядя Петя успокаивает:

– Не переживай, что –нибудь придумаем.

– Девушка! – обратился он к кассиру. – Парень на экзамены опаздывает!

Та не разговаривая, стала кричать, мол, достали ее, что всем надо ехать, а она одна...

– Чего Вы, девушка, сразу в пузырь? – завозмущалась очередь.

Кассирша – ни в какую: Не поддается уговорам, упорствует:

- Ждите прихода поезда..
- Долго ждать?
- Около часа.

Дядя Петя посмотрел на меня:

- Чего, Леня, такой смурной? А? Небось, проголодался?
- Да, – отвечаю.– Есть такое...
- Давай перекусим, глядишь и время быстрее пробежит

Принес авоську, вытащил бутылку с молоком, несколько яиц, разрезал кусок сала. Пристально посмотрел, как бы спрашивая: ну, что на это скажешь?

– Кушай.

Время пролетело незаметно. С улицы раздались голоса:

– Поезд! Поезд идет!

Дядя Петя рванулся к кассе. Очень быстро вернулся.

– Везуха! – улыбнулся он, протягивая билет, – Пospеши!

Стер пот со лба, вздохнул:

– Доволен? А? Ну, теперь полный газ и валяй до вагона! Извини, опаздываю на базу.

Остановил меня на ходу.

– Погоди, маненько, – сунул в карман пирожки, завернутые в газету и добавил:

– Мария, жинка напекла. Голодовать не будешь в дороге.

– Спасибо большое, дядя Петя! – чувствую, у меня глаза на мокром месте...

– Помни, город не деревня, – помахал он рукой, – варюшками там не торгуй! Враз облапошат.

Я к чему вспомнил этот эпизод из далеких шестидесятих годов? С Петром Григорьевичем Приваловым мне неоднократно приходилось ездить и до и после этого дня до станции Называевск. Это более сотни километров в одну сторону по разбитому большаку. Всю дорогу велся разговор о том да сём. И никогда он не заводил разговор о прошедшей войне.

Всегда по – соседски помогал в деляне на заготовке дров, на покосе, на уборке картофеля, частенько приходил к отцу побеседовать за жизнь. Тихий, скромный. Никогда не видел его нетрезвым или ругающимся с кем – нибудь. В девяностые его семья переехала жить в Омск.

Позвонила мне его дочь Лидия. Разговорились.

– Завтра папе, – говорит, – будут медаль вручать.

– Что за медаль?

– В честь 70 – летия Победы.

– А он, что на фронте был? – удивился я. Ведь, кажись, с двадцать пятого...

– Да. – отвечает она. – Дошел, то есть доехал аж до Берлина. Всю войну баранку крутил.

Правда, сожалеет, что не довелось рейхстаг посмотреть.

– Он же, Лида, ни разу ни словом не обмолвился мне о войне. Никогда его не видел с наградами. Знаешь, я служил к Германии, недалеко от Берлина, но вот рейхстаг тоже не довелось посмотреть...

Лидия добавила:

– Вот такой у меня папа! Кстати, есть у него медаль и за освобождение Варшавы. Ордена тоже есть... Призвали в сорок втором, а демобилизовался осенью сорок восьмого. Я сейчас папину фотографию скину по интернету. Небось, не признаешь...

Увидев дядю Петю на фото я лишился речи. Вся грудь в наградах. Вот ведь как бывает!

6. НА ПОКОСЕ



Этот день запомнился мне на всю жизнь. Сено с отцом на лугу косили. Смотрим, управляющий фермой на свой покос приехал в бричке – сено созрело. На лошади. Смотрю, жеребенок рядом. Подъехал к отцу и говорит:

– Выручай, Семенович! Дай пацана на часок. На волокуше сено хочу свозить.

Отец на меня посмотрел и спрашивает:

– Не побоишься, сынок?

– Что я маленький, что ли? С чего бы это вдруг испугался? – отвечаю, обидно стало от этих слов.

Тут же управляющий сменил тему разговора. Вытащил седло из ходка.

– Ну, как, Леня, нравится Рыжуха – то? – спрашивает меня.

– Мне на лошади погонять – одно удовольствие, – отвечаю, – как за рулем «Победы» покататься. Признаться по совести, когда по деревне проезжаете, честное слово, завидки берут.

– Учись хорошо – будешь, как и я на такой красавице ездить, – он похлопал меня по плечу и помог забраться в седло, подхватил свисавший повод.

Я пятками слегка ударил лошадь.

– Айда, Рыжуха!

Жарища, слепни одолевают. Отец едва успевает сено накладывать. От зарода гоню коня, волокуша на кочках подпрыгивает. Подлетаю к копне, лихо разворачиваю волокушу.

– И – эх! Я конармеец из Первой конной Армии Буденного, – говорю. – Представьте, что это вовсе и не волокуша, а тачанка с пулеметом.

И с налета, с поворота,
По цепи врагов густой,
Застрочил из пулемета,
Пулеметчик молодой...

– Проворный ты, пулеметчик, как я посмотрю, – смеется управляющий. – Я тоже пулеметчиком хотел быть, но куда там – не взяли, в артиллерии оказался.

Хлестнул я Рыжуху и помчался с копной к зароду, аж пыль столбом.

Эх, тачанка – ростовчанка,
Наша гордость и краса,
Конармейская тачанка,
Все четыре колеса!..

Лихую мою песню вдруг прервал отец.

– Эй, Леня! – он меня окликнул. – Тормозни – ка!

– В чем дело? – я натянул поводья. Вытер со лба пот.

– Сдается мне, что я от твоей тачанки колесо в траве нашел...

Мне стало не по себе. Обернулся, действительно, так и есть: на волокуше нет одного колеса.

– Ба! Вот тебе раз! Потерялось, выходит, – я развел руками.

– Ну, ты, даешь! Хватился! – рассмеялся отец, – Посматривать надо. Хорошо, что я в траве наткнулся.

Починили волокушу на скорую руку, водички попили. Взрослые поговорили о житейских делах. Работа пошла быстрее после отдыха.

Вот уже и за последней копной я помчался, а тут вдруг собака возьми и выскочи из куста. Мало того: хватанула лошадь!

– Елки палки! – только и успел я вскрикнуть. Испуганный конь поднялся на дыбы, а затем дернулся влево. Я схватился за шею лошади, да толку что? Страшная сила рванула из седла, правда, одна нога осталась в стремях...

Рыжуха ошалела, галопом по полю пустилась.

– Спасите! – закричал я. – Остановите лошадь!

Копыта перед глазами мелькают, в плече от удара о землю боль. Вижу, взрослые по полю заметались. Лошадь, пронеслась еще полста метров, стала замедлять бег. Не знаю, как изловчился, но правой ногой смог о бок лошади ударить и отлетел в сторону...

– Кажись, живой? – это управляющий подбежал.

– Живой, стало быть... – отвечаю, – только поджилки трясутся.

– Больно?

– Да нет, не очень. До свадьбы заживет, – пытаюсь шутить.

– Ох, напугал же ты, Леня! – говорит он. – Я из – за зарода выхожу, смотрю, а конь наметом...

Тут и отец подоспел: сам не свой, руки трясутся.

– Ну, что, пулеметчик, навоевался?

– Навоевался, – говорю, сам ушибленное плечо потираю.– Повезло на сей раз...

– И впрямь повезло, – улыбнулся отец. – Нет, сынок. Все – таки лучше тебе на велике ездить.

Много лет прошло с тех пор, а мне по ночам другой раз этот случай, как в замедленной съемке, возвращается. Особенно четко копыта вижу перед глазами...

Но на этом приключения с лошадьми не закончились. Однажды ехали с покоса и завернули к знакомому пчеловоду на пасеку.

– Я, сынок, быстро вернусь, – отец привязал лошадку к забору у черемухи, сам пошел в ограду.

– Ладно. Коли надо, подожду, – говорю.

Он только зашел в избу, а лошадь давай беспокоиться: мотает мордой, фыркает.

«Что это с ней?» – встревожился я, а понять не могу причин беспокойства.

А она вдруг отрывает штакетину и давай пятиться. Было отчего тут мне, семилетнему пацану, испугаться. Хорошо, что отец вовремя выскочил из избы и натянул до предела вожжи... Морда у лошади вся пчелами облеплена, глаза дикие... Оказывается, на черемухе пчелиный рой сидел, а отец пчел не заметил, когда лошадь привязывал к забору.

Все мое детство связано с лошадьми. Старший был в семье из детей, поэтому первой обязанностью было по утрам в лесу Рыжуху разыскать, а это было непросто: у нее то ботало оторвется, то путы развяжутся. Ходишь все утро по лесу, бывало, несколько километров пройдешь, а ее все нет. Какая радость, когда найдешь!

Другая проблема – поймать и узду накинуть. Третья проблема – на лошадь забраться, ростом – то мал был! То с дерева норовишь запрыгнуть, то с пенька какого... А вот когда уже ты на лошади, то тут душа поет – вдаришь пятками по бокам ее крутым – и галопом, галопом! Что по полю, что по деревне. Чтобы все видели, как лихо! Ты не пацан, если галопом на лошади не умеешь скакать!

7.ТЕЗИС ХРУЩЕВА



В начале эпохи Хрущева стали много говорить о кукурузе, а также появился тезис «Об отрыве школы от жизни». Нам учителя говорили:

– Вы, дети, став взрослыми, будете жить уже в новом обществе. Задача школы состоит в том, чтобы привить вам любовь к труду.

Самая любимая тема разговора – это как будем жить через двадцать лет, к восьмидесятому году. И продукты, и одежда, все, мол, тогда будет. Добавили еще один год учебы в школе, производственное обучение стало играть одну из главных ролей. Правда, выбор профессий был невелик. «Приближение к жизни» для нас вылилось в то, что мы учились доить коров на ферме, изучали комбайны и трактора, работали на закрепленных за школой полях.

Однажды еду из города на автобусе, смотрю, а навстречу колонна комбайнов идет, штук десять, не менее.

– Гляньте, гляньте, как идут! Надо же, – изумился водитель. – Как на параде!

– Ну а как же? – вмешалась пожилая женщина. – Это же пановские школьники поехали. Ну, теперича уборка быстро закончится, коли такая подмога совхозу идет.

Когда на даче полю сорняки, то вспоминаю дни работы в школьной производственной бригаде. Рядом с бригадой находились поля со свеклой. С утра надо было каждому твердую норму выполнить: прополоть два рядка посевов – это примерно с километр каждый. Прополка – труд тяжелый, а когда еще и жарко, то свекольный ряд кажется бесконечным.

Помню, то лето выдалось жаркое, на небе ни облачка, а ты полешь. И попробуй не справиться, засмеют, в газете карикатуру нарисуют... После обеда все снова идем в поле выполнять новую норму.

Но зато как приятно потом смотреть на поле, где нет сорняков...

Бывали, конечно, в процессе «привития любви к труду» и перегибы. А как без этого? Помню, в пятом классе обязали всех записаться в санитарную дружину. Выдали нам корочки,

красивые значки. Члены санитарной дружины не только чистоту рук в школе проверяли, но и должны были отдежурить определенное количество часов в больнице.

Вот однажды вечером мы с другом пришли на первое дежурство в больницу. Только зашли, в нос ударил запах лекарств, у меня сразу закружилась голова. Смотрю, к нам спешит врач, белый халат на ней разлетается в стороны.

– Братья милосердия? – улыбнулась она. – Заходите, будьте как дома. Вот, выучитесь – медиками станете...

Поставили кому надо градусники, горчичники, утешительные слова больным говорим. Я взял ведро с тряпкой в руки: давайте, мол, пол помою. Занялись влажной уборкой. Больница небольшая, быстро убрались. Пригласила тут нас врач чай пить. За чашкой чая стала она рассказывать нам о своем детстве, мечтах юности, о проблемах своей жизни на селе.

– Счастливые вы, ребята, – сказала она. – При коммунизме будете жить.

Тут вдруг ставни хлопнули. Смотрим, а это ветер за окном погнал мусор и листья, молния расколола небо. Через минуту такой ливень приключился – вода по улице побежала широким потоком. Время шло, а ливень все не утихал, дождевые капли все гремели по крыше. Стихия совсем разбушевалась. Время было позднее, поэтому речи добежать до дома и быть не могло.

Оставили нас ночевать в больнице, а ночью привезли роженицу, маму моего друга. И все пошло мелькать, как во сне: беготня персонала, крики... Мы же лежали испуганные на кушетке, отделенные от происходящего простыней. Все про нас враз позабыли, уснуть, конечно, так и не смогли. Вернувшись из больницы домой, не смог притронуться к пище. Больше в санитарную дружину ходить не стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.